

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

ЭНЕРГИЯ БОРЬБЫ, ЭНЕРГИЯ ДОБРА

ЕСЛИ попытаться одним-единственным словом выявить самую сердцевину творчества артиста Михаила Ульянова, то им будет: «Энергия». Да, жизненная энергия, душевная активность, неустанный нравственный поиск пронизывают бытие его героев. И это не только индивидуальный темперамент человека, а прежде всего горячее желание проявить свои силы на благо людей. Это энергия, несущая добро, направленная против зла. Конечно, не в лицемерно-благодном понимании этих слов, а в их общественно-историческом, социальном, истинно человеческом значении. Конечно, утверждение: добро против зла — не так однозначно и прямолинейно, как может показаться на первый взгляд. Сама личность героя определяет размах, значимость, характер борьбы. И это тонко чувствует и передает Михаил Ульянов в своих сценических портретах.

Энергия, излучаемая героями артиста, исключительно насыщена, плотна. В нее «вплавлен» дополнительный заряд — вдохновенный голос самого художника, который, блестяще владея искусством внутреннего и внешнего перевоплощения, в то же время дает знать о себе, о своей любви и ненависти, о своих взглядах на жизнь, борьбу.

Проходят годы, а в нашей памяти все так же свеж и глубок след, оставленный, вернее, прорезанный ульяновским председателем колхоза. Помните Егора Трубицкого, одиорукое, опаленное войной, еще не остывшего от ее грома и пламени, но уже занявшего «новые позиции» — идущего в бой за возрождение полностью разрушенного родного колхоза? Помните его, жесткого, необычайно требовательного к людям и беспощадного к себе? Порой нам, зрителям, хотелось спорить с Ульяновым: «Ну зачем такая суровость и нетерпимость?». Но артист своей игрой тут же обезоруживал нас, как бы отвечая: «Нельзя иначе! Мой герой не вправе быть другим... Надо спешить, чтобы поднять на ноги истосковавшихся по хлебу, по счастью людей...».

Образ председателя — при всей его колючести, неулыбчивости — в глубине светится любовью к человеку, бескорыстием... Прежде всего и больше всего председатель колхоза Егор Трубицкий не жалеет себя. Он становится «на горло» своим чувствам, переживаниям. Он безжалостно прячет свою тоску даже тогда, когда умирает его маленький сын, когда одной рукой сколачивает детский гроб...

Ульянов — очень пристрастный актер. Именно идейное пристрастие предоставляет ему большой простор, дает ему возможность в процессе творчества быть раскованным, свободным, необыкновенно пытливым, быть по-настоящему объективным в анализе, в поисках и воплощении жизненных черт и поступков персонажа и в то же время все это скрепить, сценентировать своим личным пафосом. Каждый раз, создавая новый образ, Ульянов как бы спрашивает своего героя: «Ради чего ты живешь на земле? Что ты сделал для людей? Что ты им несешь?». Служение народу, обостренное чувство гражданского долга, максимальная душевная отдача — вот та высокая мера, с помощью которой артист определяет нравственную ценность героя.

Вспомним один из самых ранних ульяновских образов — молодого геолога Каширина в

фильме «Дом, в котором мы живем». Этот сдержанный, замкнутый юноша обладал магнетической силой. Чем больше он «уходил» от нас, зрителя, пряча свои чувства, тем сильнее мы тянулись к нему, желая ощутить, понять его переживания. Здесь Ульянов уже доказал, что он успешно овладевает, умело распоряжается подтекстом роли — этой скрытой, дополнительной энергией, которая все время находится в движении и в нужный момент вырывается наружу, расширяя наше представление о человеке. И в этом подтексте не было ничего случайного, зыбкого, неопределенного, ясно прочерчивалась действенная линия внутреннего поведения Каширина. Нам, зрителям, передавалась его тревога, боль, возникающие от того, что рушилась семейная жизнь, и он, горячо любящий жену, тоскующий об утерянной гармонии, не в силах был предотвратить разрыв. Его переполняла нежность, но он ее сдерживал, видимо, боясь быть сентиментальным. А когда в первый день войны он уходил на фронт, почти безмолвно прощаясь с женой, мы чувствовали, как тяжело дается ему расставание...

В ТВОРЧЕСТВЕ Ульянова, пожалуй, трудно найти образ, которому не было бы свойственно бескорыстие. Актер увлечен этой прекрасной чертой человеческого характера. Бескорыстие — не только материальное (что само собой разумеется), а прежде всего в моральной, нравственной сфере. Бескорыстие — не филантропическое, абстрактно-никчемное, а исполненное постоянной и горячей преданности человеку, имеющее целью помочь ему в трудный час обрести силы, возвыситься, окрылить его. Разве не этим был дорог Ульянову и нам, зрителям, рабочий Сергей Серегин (в спектакле театра имени Вахтангова «Иркутская история»), который своей любовью — светлой, тихой, глубочайшей — принес счастье и очищение «Вальке-дешевке». Серегин — Ульянов, цельный, ладный, добрый, увидел в Вале человека, увидел ее будущее, поверил в него, а она посмотрела на себя глазами любимого, и произошло чудо обновления личности. Любовь Сергея Серегина лишена даже намека на эгоизм, и в то же время в ней нет никакой жертвенности.

Михаил Ульянов — актер неожиданных решений. Ну как можно было предположить, что он увлечется ролью Дмитрия в фильме «Братья Карамазовы»? Ведь всё (или почти всё), что артист создал до этого на сцене и в кинематографе, не предвещало такого поворота в судьбе художника. Ведь герой Достоевского — это открытое, бурное море страстей, а Ульянов как будто бы всегда тяготел к сдержанному проявлению темперамента. И все же обращение к образу Дмитрия Карамазова было закономерным. Да, Ульянов — актер неожиданный, но — добавим мы — и очень целеустремленный, до конца верный главному направлению своего творчества. В сложном, трагедийно-противоречивом образе Дмитрия Карамазова он прежде всего выделил тему стихийного поиска истины. Все тот же вопрос: «Ради чего ты живешь на земле?». Но разве Митя в силах найти ответ? Бурливая энергия чувств, душевных порывов Карамазова в условиях общества собственного несправедливого жестоко обернулась против него. И где-то в

глубине сознания Митя зреет мысль, что драма его жизни неотделима от горя людского, к которому он словно прикоснулся своим огненным сердцем...

Несколько лет тому назад Ульянов в фильме «Бег» блистательно исполнил роль иного плана — комедийную, с элементами трагического фарса. Артист для характеристики белогвардейского генерала Чарноты использовал каскад выразительных психологических и бытовых деталей, умно и умело, с помощью железной легкости идейно-художественного замысла «собрал» их в единое целое. Человек, живущий примитивно — в захлеб и только сегодняшним днем, с энергией, бьющей через край, но бесцельной, разрушающей личностью, Чарнота в конце концов предстает перед нами опустошенным, азартным игроком, проигравшим на чужбине свою судьбу...

Секрет, своеобразие Ульянова в том, что он не стремится заиметь свою «визитную актерскую карточку», удобную для предъявления зрителям. Наоборот, его творческая манера не на виду, неброска, таится в далекой глубине создаваемого образа. Лучшие сценические создания актера отличаются художественной неожиданностью, это в полном смысле слова открытия. И таким откровенным стал также образ директора завода Друянова, недавно воплощенный артистом в вахтанговском спектакле «День-деньской».

Представьте себе пожилого человека, сутулого, с замедленными движениями, с гнусавым голосом, порой колючего, резковатого. И вот постепенно в этом чужаке обнаруживаются такие прекрасные человеческие качества, такая широта кругозора, такое знание своего дела, преданность ему, такой талант хозяйственного руководителя, что мы, зрители, проникаемся к нему и уважением, и любовью. И мы полны благодарности актеру, что он нас сблизил с Друяновым.

...Вспомните, читатель, не приходилось ли вам видеть Михаила Ульянова вне сцены, без грима, слушать его? И что же? Каково впечатление? Не правда ли, без преувеличения можно сказать, что Ульянов в жизни покоряет с такой же проникновенной силой, какой наделены его герои. Возможно, здесь ощутимо человеческое обаяние, свойственное крупной творческой личности? Нет, не только. Нас привлекают одержимость, гражданская отзывчивость, душевный жар Ульянова, присущие ему энергия борьбы, энергия добра, талант соразмышления. Иными словами, все то, что он так одухотворенно проповедует своим творчеством... Ульянов в жизни и Ульянов-актер — это гармония. Единству эстетического и этического в искусстве учил великий реформатор театра К. С. Станиславский, о такой гармонии мечтали многие деятели сцены прошлого. Эта гармония, это единство, этот действенный гуманизм, преобразующий человеческие души, — характерная особенность творчества советских актеров, и среди них имя Михаила Александровича Ульянова — одно из ярчайших.

С. ЗАМАНСКИЙ.